

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В данной главе мы не собираемся давать хронологическое изложение истории исследования эпиграфических памятников края, что в свое время обстоятельно сделано в работах Н. И. Ашмарина,¹ Н. Ф. Катанова,² С. И. Порфирьева,³ Н. Ф. Калинина⁴ и др., а остановимся лишь на принципиальной стороне изучения болгаро-татарских надгробных памятников. В этом отношении мы различаем следующие периоды:

1) период, когда болгаро-татарские эпиграфические памятники рассматривались преимущественно как историко-археологические памятники (с 1722 по 1863 г.);

2) период, когда они приобрели значение памятников языка древних болгар (с 1863 г.);

3) советский период комплексного изучения их как в историческом и языковом отношении, так и со стороны художественного оформления (1929 г.), путем систематического сбора материалов по ним во время экспедиции.

Начало изучения болгарских надгробных памятников положил Петр I во время посещения развалин Булгара в 1722 г., когда направлялся в персидский поход. Вообще начало серьезного изучения восточной эпиграфики в России связано с именем и деятельностью Петра I.

¹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашаи. Казань, 1902, стр. 67—70.

² Н. Ф. Катанов. 1) Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 4—10; 2) Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Каз. муз. вестник, 1921, № 1—2, стр. 55—56.

³ С. И. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. гос. унив., 1922, т. XXXI, вып. 4, стр. 41—44.

⁴ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии по болгаро-татарской эпиграфике, стр. 5—14. (Рукопись; хранится в архиве Казанского филиала АН СССР).

Петр хорошо понимал, как важно изучать и знать Восток. „Значение сохранившихся на Востоке традиций Петр сумел оценить для чисто научных предприятий, тоже впервые осуществленных при нем“, — писал выдающийся ученый и знаток Востока И. Ю. Крачковский.⁵

По его приказу казанскому губернатору впервые были списаны и переведены 50 текстов надгробий с Булгарского городища ахунем Кадыр-Мухаммедом сыном Сюнчелеевым и слободским переводчиком Юсуфом Ижбулатовым.

Помимо того, Петр I, заботясь об охране булгарских памятников, писал казанскому губернатору Салтыкову:

„Господин губернатор!

„В бытность нашу в Булгарах видели мы, что у старинного булгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно есть, также и места старые по времени велите чинить. Подлинный его имп. вел. указ за приписанием собственные его вел. руки тако: Петр.

Из Астрахани во 2 день
июня 1722 г.

Получено в Казани
июня в день 1722 года“.⁶

Кратко говоря, судьба этих пятидесяти текстов сложилась так:⁷ в литературе русский перевод указанных надписей впервые был опубликован в 70-х годах XVIII в. И. Лепехиным,⁸ впоследствии они с рядом неточностей были опубликованы Ю. Клапротом,⁹ П. Ф. Эрдманом¹⁰ и И. Березиным,¹¹ а в порядке исправления неточностей один текст был издан проф. Катановым¹² (по И. Березину текст № 46).¹³

⁵ И. Ю. Крачковский. Очерки истории русской арабистики. М.-Л., 1950, стр. 41.

⁶ Цитировано по „Сборнику Археологического института“ (кн. 11, СПб., 1879, стр. 89).

⁷ Подробности см.: С. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей.

⁸ И. Лепехин. Дневные записки путешествия, т. 1. СПб., 1771, стр. 271—283.

⁹ Klaprot. Notice et explication des inscriptions de Bolgari Nouveau Journal Asiatique, VIII, Paris, 1831, стр. 483—506.

¹⁰ П. Ф. Эрдман. О надгробных памятниках в Булгарах. Заволжский муравей, 1832, № 21, стр. 1219—1230, 1342—1358.

¹¹ И. Березин. Булгар на Волге. Уч. зап. Каз. унив., 1852, вып. III, стр. 100—134.

¹² Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник..., стр. 54—56.

¹³ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 116.

И. Березин опубликовал и ряд других текстов, изученных им непосредственно на Булгарском городище.

С течением времени сами памятники терялись, а большая часть их пошла на строительство Успенской церкви в Болгарах: ими выложен пол и фундамент этой церкви. В 1942 г. работниками Комиссии по болгаро-татарской эпиграфике в фундаменте были обнаружены, кроме зарегистрированных при Петре I и И. Березиным, совершенно новые тексты.¹⁴

Клапрот впервые при чтении часто встречающегося болгарского числительного *جِيَاتِ جُور* (*джиати джюр*), транскри-

бируя его искаженно — *джиат джейур*, пришел к выводу, что в числовом значении этого выражения нужно усмотреть дату смерти покойников, соответствующую 623 году хиджри¹⁵ (1226 г. н. э.), когда якобы случилась массовая гибель людей в крае, что было связано с нашествием монголо-татар („год пришествия угнетения“).¹⁶ Толкование это было принято на веру Эрдманом и И. Березиным.

В 1863 г. Х. Фейзханов в своей работе о болгарских надгробиях дал правильное чтение этих слов, выражающих дату, как *джиати джюр*, отождествляя это с татарским *джити юз*. „В пользу моего мнения говорит и обыкновение татар начальное «й» произносить и писать как «дж», что касается буквы «р», употребленной вместо «з» в слове «джюр», то это можно объяснить употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени. Чуваши же «семь» (читай «сто», — Г. Ю.) называют «чюр»“.¹⁷

С той поры эти памятники начинают рассматриваться как памятники языка древних болгар.

Впервые на это крупное открытие Х. Фейзханова обратил внимание в своем письме к акад. В. В. Григорьеву крупный тюрколог, миссионер-руссификатор Н. И. Ильминский. Проявляя большой интерес к историческим корням чувашского языка, в этом письме он с осторожностью писал: „Если

¹⁴ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии. . . , стр. 8. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

¹⁵ При следующем цифровом значении арабских букв: چ — 3, د — 10, ل — 1, س — 400, ج — 3, و — 6, ر — 200.

¹⁶ Такое ошибочное толкование этих слов, к сожалению, до недавнего времени встречалось и в современной исторической литературе.

¹⁷ Х. Фейзханов. Три надгробных болгарских надписи. Изв. Археолог. общ., т. IV, СПб., 1863, стр. 404. — Здесь мы имеем явную опечатку, допущенную, очевидно, издательством, поэтому вместо числительного „семь“ следует читать числительное „сто“.

известный историк Ш. Марджани,²⁶ который впервые дал принятое и доныне чтение довольно сложной и полустертой надписи конца XIII в. (?) у бывшей Архиерейской дачи близ Казани.²⁷

Крупный татарский просветитель XIX в. К. Насыри, отличавшийся широким кругом интересов в изучении культуры казанских татар, также не упустил из вида эпиграфические памятники. В 70-х годах XIX в. он изучал древние татарские кладбища северного Предволжья и дал до 15 текстов надписей — главным образом XVI в. и один XV в.²⁸

Местный краевед-археолог Г. Ахмаров, исследовавший ряд древних памятников по поручению Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, изучал древние кладбища и дал в своем труде „История Булгарии“ до 12 текстов болгарских надписей.²⁹

Надо отметить, что все названные исследователи, глубоко изучавшие эти памятники, подводя итоги своим работам, не шли дальше простой публикации их, часто даже без элементарных комментариев.

К 1907 г. относится начало деятельности ныне покойного С. Е. Малова по сбору материалов болгаро-татарской эпиграфики, которые легли в основу его позднейших публикаций.³⁰ В этих работах проявилась все та же тенденция отождествления чуваш с булгарами.

Значительно иной характер приняло изучение болгаро-татарских эпиграфических памятников в советский период, особенно в 1925—1930 гг. — в период оживления краеведческой работы силами членов различных обществ (Общество татароведения, Общество изучения Татарстана).

Начало комплексному изучению эпиграфических памятников положил в своей программной статье, посвященной этому вопросу, П. Е. Корнилов: „До сих пор это изучение, — писал он, — протекало исключительно по линии лингвистики... Изучение надгробных памятников, как памят-

²⁶ Ш. Марджани. Мустāфād ал-ахбār фй ахвālй Кāзāн вэ Булгār, т. I. Казань, 1897, стр. 15, 26, 27, 28, 121, 122, 131; т. II, Казань, 1900, стр. 36 (на татарском языке).

²⁷ Там же, стр. 28. — Ныне надгробие это находится во дворе Гос. музея ТАССР.

²⁸ К. Насыри. Сборник неизданных произведений, Казань, 1926.

²⁹ Г. Ахмаров. История Булгарии. Казань, 1908, стр. 120—128. (На татарском языке).

³⁰ С. Е. Малов. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпигр. Востока, I, М.—Л., 1947, стр. 38—45; II, М.—Л., 1948, стр. 41—48.

ников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства; в форме самих памятников мы можем кое-что почерпнуть для понимания архитектурных деталей прошлого... Изучение надписей дает материалы лингвистического и историко-бытового характера".³¹

В эти годы предпринимается целый ряд экспедиций, некоторые со специально эпиграфической целью. В 1925 г. проф. Н. И. Воробьевым были обследованы болгаро-татарские надгробия в ряде пунктов Мамадышского кантона.³²

Осенью 1926 г. Н. Ф. Калининым была проведена большая работа по изучению татарского кладбища XVIII в. в г. Казани и зарегистрировано до 35 чардуганов (надгробных сооружений) и текстов. Ввиду того что это кладбище до настоящего времени не сохранилось, работа эта является весьма ценной, хотя она существует лишь в виде рукописи.³³

Плодотворную работу в 1927—1928 гг. проделала комплексная экспедиция Общества татароведения. Материалы этих поездок были отражены в целом ряде публикаций о надписях на надгробиях и художественной ценности их — главным образом на страницах такого издания, как „Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР“, ставшего популяризатором исследований по эпиграфике.³⁴

Впервые в этих работах, особенно в сводной работе Али Рахима,³⁵ обращается внимание на языковую сторону татарских надгробий XVI—XVII вв., титулатуру, орнаментацию,

³¹ П. Е. Корнилов. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 3.

³² Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТАССР. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 11—13.

³³ Н. Ф. Калинин. О старом татарском кладбище в Казани. 1928. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

³⁴ Али Рахим. 1) О двух татарских надгробных памятниках XVII в. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 14—21; 2) Болгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае. Там же, вып. IV, Казань, 1930, стр. 49—57; П. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментирования татарских памятников XVI—XVII вв. Там же, вып. III, Казань, 1929, стр. 22—26; И. Н. Бороздин. Два татарских надгробия близ городища „Иски Казань“. Там же, вып. IV, Казань, 1930, стр. 58—64.

³⁵ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в. Труды Общества изучения Татарстана, т. 1, Казань, 1930, стр. 145—172.

палеографию надписей и даже стиль. Однако в отношении последнего Али Рахим допустил явную ошибку, отрицая преемственную связь между стилем надгробий XIV и XVI вв. Отрицание им связи болгар и татар выражается и в том, что он вообще не придавал серьезного значения болгарским надгробиям, игнорируя их наличие в Заказанье — в этой, по его словам, „исконной стране татар“. По-видимому, причиной была тенденция рассматривать эти надгробия в отрыве от истории болгар, но в связи с Золотой Ордой (см. главу III настоящей работы, стр. 147). Н. Ф. Калинин, критикуя это ошибочное положение, указывал: „Как мы увидим ниже, в XIII—XIV вв. господствовало два разных стиля. Один из них имеет полную преемственную связь со стилем XV—XVI вв. Здесь линия развития совершенно непрерывна“.³⁶

С своей стороны, на основе разбора болгарских памятников I и II стилей (см. главу III настоящей работы) мы должны сказать, что в стиле татарских надгробий XV и XVI вв. воплощены почти в равной мере типологические элементы как I, так и II стилей болгарских надгробий. Поэтому нам кажется, что приведенное указание Н. Ф. Калинина справедливо преимущественно в отношении лишь языка памятников. Мы здесь не можем согласиться с Али Рахимом и в том, что язык I стиля болгарских надгробий — это язык джагатайский, а памятники II стиля, возможно, принадлежали чувашам-мусульманам.³⁷

П. М. Дульский в своих опубликованных трудах впервые обстоятельно разбирает орнаментацию татарских надгробий с точки зрения их генезиса; справедливо указывая на связь ее с болгарским искусством, он говорит: „При изучении татарского искусства в прошлом большое значение должен иметь сравнительный анализ болгарской орнаментуры XIII в. с мотивами татарских резных камней XV—XVIII вв., и если искусство древних болгар служило до некоторой степени первоисточником для казанских татар, то как раз одни и те же сюжеты, встречающиеся в декоративном татарском искусстве в мотивах XV—XVIII вв., только подтверждают и документируют эту близкую связь творчества татар, долгое время питавшихся источниками болгарской культуры“.³⁸

³⁶ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии..., стр. 14.

³⁷ Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, т. I, ч. 2, Казань, 1923, стр. 52, 58.

³⁸ П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту. Труды Казанского института инженеров коммунального строительства им. Горького, вып. IV, Казань, 1936, стр. 76—77.

Но наибольшее оживление в исследовании эпиграфических памятников, всестороннее и систематическое их изучение, подчиненное насущным задачам изучения истории татарского народа, в частности его этногенеза, начинается с момента организации в 1939 г. Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ), а особенно с момента создания Казанского филиала Академии наук СССР (КФАН), являющегося одним из показателей осуществления на практике благотворной ленинской национальной политики.

С декабря 1941 по декабрь 1942 г. при ИЯЛИ под председательством старшего научного сотрудника Н. Ф. Калинина и при участии А. Б. Булатова, Л. З. Залялетдинова и С. Е. Малова работала Комиссия по болгаро-татарской эпиграфике. „В тяжелую годину Великой отечественной войны, — пишет в своей работе Н. Ф. Калинин, — когда весь народ напрягает все силы на разгром ненавистного врага, когда идет напряженная борьба за существование, за счастье всего человечества, Институт правильно дал историкам и лингвистам направление, возможности и средства на те мероприятия, которые призвана была провести наша Комиссия“.³⁹

Здесь нет надобности подробно рассказывать о всей огромной работе, которая проведена этой Комиссией как в стенах Государственного музея ТАССР, с его большим фондом памятников, так и в экспедициях по районам Татарии, Чувашии и в Болгары, где было обнаружено много еще неизвестных, неопубликованных памятников. В результате были созданы три тома Альбома болгаро-татарской эпиграфики, состоящие из фотографий 253 памятников с комментариями и научной транскрипцией.⁴⁰ Значительное число этих памятников — болгаро-татарские надгробные надписи.

Огромное значение этих альбомов определяется тем, что они были предметом повседневного пользования для научных работников, аспирантов различных профилей — историков, археологов, лингвистов и др. Однако альбомы эти не свободны и от ряда недостатков. Значительны погрешности в научной транскрипции текстов, которые на сегодня в значительной мере исправлены общими силами пользующихся ими. В альбомах нет хронологического расположения датированных памятников, в основном представленных эпитафиями. Однако все это не умаляет их значения как ценного пособия и пер-

³⁹ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии... , стр. 1.

⁴⁰ См.: Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии... .

вого опыта собрания огромного числа эпиграфических памятников.

После открытия КФАН в ИЯЛИ сосредоточивается большая работа по комплексному изучению (историческое, археологическое, этнографическое) истории татарского народа, не говоря уже о большой литературной и лингвистической работе.

После войны, в связи с ростом полевых исследований, предпринимаемых историко-этнографическими и археологическими экспедициями ИЯЛИ, соответственно возглавленными проф. Н. И. Воробьевым и старшим научным сотрудником Н. Ф. Калининым, изучение эпиграфических памятников тесно переплетается с широким использованием их в ряде крупных работ историков, археологов и лингвистов Татарии.⁴¹

Здесь следует отметить находки эпиграфических памятников историко-археологической экспедицией КФАН в бассейне р. Казанки (1945 г.), в особенности памятников у с. Ямашурмы (Высокогорского р-на), среди которых имеется редкая позднеболгарская эпитафия.⁴² По ошибке раньше эти памятники считались найденными автором этих строк.⁴³

В 1946 г. на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению казанских татар, впервые были использованы материалы болгарской эпиграфики для решения этого важнейшего вопроса советской исторической науки. Еще шире работа в области болгаро-татарской эпиграфики получила отражение на конференции по древней и средневековой истории Среднего Поволжья в 1956 г. в Казани.

В связи же с этногенезом казанских татар в работе проф. Н. И. Воробьева о расселении последних широко используется эпиграфический материал, в частности, составленная автором этих строк карта распространения болгаро-татарских эпиграфических памятников,⁴⁴ которая использована и в за-

⁴¹ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. Сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 96—104; Л. Залай. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка). Там же, стр. 81—89, 156—157. Х. Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Сб. „Материалы по истории Татарии“, вып. I, Казань, 1948, стр. 223—224.

⁴² О. С. Хованская. Историко-археологические памятники левого берега рр. Казанки и Кисьмеса. 1952. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

⁴³ Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики. Эпигр. Востока, XI, М.—Л., 1956, стр. 46.

⁴⁴ Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар в XV—XIX вв. в связи с их этногенезом. 1950. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

щищенной кандидатской диссертации Ш. Ф. Мухамедьярова.⁴⁵ Вопросу происхождения казанских татар, а также истории и классификации эпиграфических памятников были посвящены мои опубликованные работы, являющиеся органической частью настоящего исследования.⁴⁶

На материалах же полевых исследований, во время которых было обнаружено много новых интересных памятников, был написан и опубликован ряд работ по болгаро-татарской эпиграфике.⁴⁷

Обобщению небольшого опыта по методике фиксации надписей была посвящена моя небольшая заметка „Простой способ фиксации надписей“.⁴⁸

Итогом эпиграфических исследований в Башкирии в 1953 — 1957 гг. является работа, посвященная эпиграфическим памятникам запада Башкирии,⁴⁹ материалы которой опубликованы и использованы в данной монографии.⁵⁰

За последние годы в печати появились работы, имеющие отношение к языку болгарских памятников II стиля. Точнее говоря, это критика языковой стороны теории болгарского происхождения казанских татар Б. А. Серебренниковым, В. Д. Дмитриевым и Н. А. Андреевым.

Заслуживает внимания мнение Б. А. Серебренникова относительно обособленности болгарского и чувашского языков еще до появления их в Среднем Поволжье. Справедлив он в своей критике разделения болгарского языка на так называемые I и II диалекты, которые он рассматривает как два

⁴⁵ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический строй Казанского ханства. М., 1950. (Диссертация; хранится в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина).

⁴⁶ Г. В. Юсупов. 1) Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар). Эпигр. Востока, V, М.—Л., 1951, стр. 78—94; 2) К вопросу об истории и классификации..., стр. 44—53.

⁴⁷ А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги. 1949. (Рукопись; хранится в книжной палате ТАССР); Г. В. Юсупов, Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в., найденные летом 1947 г. Эпигр. Востока, IV, М.—Л., 1951, стр. 68—75; Г. В. Юсупов. О некоторых болгарских эпиграфических памятниках. Эпигр. Востока, VII, М.—Л., 1953, стр. 26—29.

⁴⁸ Г. В. Юсупов. Простой способ фиксации надписей. Эпигр. Востока, V, М.—Л., 1951, стр. 134.

⁴⁹ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники западных районов БАССР.

⁵⁰ Г. В. Юсупов. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. Сб. „Вопросы башкирской филологии“, М., 1959, стр. 120.

самостоятельных языка,⁵¹ а также в кратком начертании генезиса чувашского языка.⁵² Однако с рядом утверждений Б. А. Серебренникова мы не можем согласиться, о чем будет речь ниже.⁵³ Что касается работ В. Д. Дмитриева⁵⁴ и Н. А. Андреева,⁵⁵ то положения их нам кажутся тенденциозными и неверными.⁵⁶

В настоящее время накоплено до 300 эстампажей надписей, снятых разработанным мною способом; так был создан фонд древних надписей, хранящихся в архиве Казанского филиала АН СССР.

Таким образом, накопленный значительный материал и опыт по изучению болгаро-татарских эпиграфических памятников находят достойное применение в исторических, лингвистических и других науках, помогая в разрешении насущных задач, поставленных перед нами партией и правительством.

⁵¹ Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров ЧАССР, вып. XIV, 1956, стр. 74—75.

⁵² Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. „О происхождении чувашского народа“, Чебоксары, 1957, стр. 40.

⁵³ См. в разделе „О языке болгарских надгробий II стиля“.

⁵⁴ В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа. Сб. „О происхождении чувашского народа“, Чебоксары, 1957.

⁵⁵ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров ЧАССР, вып. XIV, 1956, стр. 236—245.

⁵⁶ См. в разделе „О языке болгарских надгробий II стиля“.